

Нежность с активной гражданской позицией Джейн Биркин в зале «Элизиум» приглашает Константин Бенюмов

62-ЛЕТНЯЯ актриса и певица Джейн Биркин при всех ее заслугах для нас прежде всего та самая генсбуровская девушка из 1960-х. Она и сама с этим никак не пытается бороться — Джейн Биркин не только до сих пор поет песни своего покойного великого мужа, но и те идеалы, которые она отстаивает, вполне шестидесятилетние. Проблемы притеснения и угнетения волнуют ее не на шутку. Она демонстрирует, например, неожиданную для французской певицы осведомленность по части ситуации с правами человека в России, участвует в пресс-конференциях с российскими правозащитниками и заявляет, что единственное, что заставляет ее не сидеть дома и ездить с концертами, — это мысль о том, что таким образом она может помочь тем, кому в наше время живется нелегко. Так себя сегодня ведут очень немногие.

Второй страстью Джейн Биркин стало дело увековечивания наследия своего мужа и соавтора — великого и ужасного Сержа Генсбюра. С 1972 года, когда они вместе исполнили знаменитую «Je T'aimé... Moi Non Plus» («Я люблю тебя... И я тебя тоже нет»), кстати написанную Генсбюром для Брижит Бардо, песни Генсбюра составляют значительную часть репертуара Биркин. «Все, что я пою, — говорит Биркин, — можно разделить на три части: песни, которые написал для меня Серж, песни, которые он написал для кого-то еще, и песни, которые я написала для себя сама».

Альбом «Enfants d'Hiver» («Дети зимы»), с которым Джейн Биркин приезжает в Москву, — первый в ее дискографии, на котором песен Сержа Генсбюра нет, и, строго говоря, первый альбом, тексты всех песен которого Биркин написала сама. Последние работы Биркин самостоятельного материала не содержали вовсе. Предыдущая пластинка «Rendez-Vous» была альбомом дуэтов, и песни для него писали, в частности, Бра-

йан Ферри из Roxy Music, Брайан Молко из Placebo и Бет Гиббонс из Portishead. Записанный перед «Rendez-Vous» «Arabesque», с материалом с которого Биркин в прошлый раз приезжала в Россию, целиком состоял из сочинений Генсбюра, правда перестроенных на восточный манер и исполненных с арабской группой.

По словам певицы, никакой идейной подоплеки в том, что новый диск получился таким самостоятельным, нет, и в

концертную программу песни Сержа непременно войдут. Новая пластинка посвящена взрослению и ностальгии по детству и большей частью представляет собой собрание лиричных трехминутных композиций — французская авторская песня, столь привычная русскому уху. Песни совершенно вневременные, да и спеты они нежным девичьим голосом, по которому определить настоящий возраст певицы решительно невозможно.

Правда, без политического манифеста и здесь не обошлось — единственный англоязычный трек «Aung San Suu Kyi» посвящен лидеру оппозиции Мьянмы 63-летней Аун Сан Су Чжи и содержит помимо прочего статистику ООН о всевозможных лишениях, выпадающих на долю бирманского народа. Все композиции исполняются камерным акустическим составом — фортепиано, гитара, виолончель и контрабас.
«Элизиум», 18 апреля, 21.00

«МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ РУССКИЙ НАРОД»

Перед концертом в Москве Джейн Биркин ответила на вопросы Константина Бенюмова.

Как вам кажется, с прошлого вашего приезда политическая ситуация в России улучшилась?

Нет! Лучше не стало! У вас по-прежнему убивают журналистов, к тому же в России люди не любят тех, кто выглядит не как они, забыла, как это называется одним словом. Так что я приеду с концертом и все, что заработаю (нем-

ного, но все же), передам замечательным людям из общества «Мемориал» и Комитета солдатских матерей. Я буду петь для них — для людей, которые находят в себе силы быть мужественными в очень непростом мире.

Вас недавно наградили орденом Британской империи.

Многие его предпочитают не принимать. Джон Леннон, например. А вы?

Ну, я свой сохранила. Я его получила в год англо-французской дружбы за вклад в развитие отношений. Ездил из страны в страну и во Франции рассказывала, какие хорошие англичане, и наоборот. Но, конечно,

и там, и там свои недостатки. Зато британские журналисты не робеют перед правительством и умеют задавать важные и острые вопросы. Например, почему бедные должны расплачиваться за то, что банкиры наводорова денег, а потом разорились?

У нас, знаете ли, тоже очень не любят тех, кто грабит народ.

Мне очень жаль русский народ. При коммунизме у них хотя бы была работа и еда, а сейчас им, должно быть, кажется, что выиграли они не так уж много.

Кроме тех, конечно, кто стал миллионером и теперь процветает. Но Россия ни в коем случае не должна вернуться к временам ГУЛАГа! В этом смысле я вам не завидую. Зато завидую по другим поводам: Прокофьев, Шостакович, Смоктуновский, Ахматова, Чехов! И Серж, он так любил Россию! Серж по-прежнему очень много для меня значит, и три четверти песен, которые я пою, написал он.

В России многие считают Генсбюра скорее русским. У нас так быва-

ет — если есть русские корни, значит, наш. Даже у Джо Дассена в свое время отыскали русскую бабушку.

Он мне часто говорил, что у него русская душа. Несмотря на то что его родители покинули Россию, спасаясь от погромов, он всегда считал себя русским и, конечно, был им. Хотя и евреем тоже был. Но в чем-то это похоже... Этот меланхолический еврейский юмор — как у Сержа, как у Вуди Аллена, это одновременно очень по-русски! Он даже как-то раз пел по-русски.

Как вам показалось, российским зрителям ваш прошлый концерт понравился?

О да, это было очень приятно. Люди подходили после выступления и плакали. Но альбом «Arabesque» очень располагал к проявлению чувств, а новая запись гораздо более личная, и музыка очень камерная.

А вы, кстати, знаете, где вам предстоит играть? Понятия не имею! А вы знаете?

Знаю. Это концертный зал одного из самых гламурных клубов в Москве.

Вы шутите? Ужас! Знаете, вы меня всерьез встревожили. Неужели это какое-то мафиозное место? Ведь если там строгий фейс-контроль и дорогие билеты, то те обычные люди, для которых я хочу петь, не смогут попасть внутрь! Я же не для богачей петь собираюсь. Я вообще решила ехать в Россию только потому, что здесь многим людям тяжело жить и я хочу им помочь. С другой стороны, если придут те, у кого есть деньги, я смогу больше передать в «Мемориал» и другим правозащитникам.